

УДК 630*

МИР АКАДЕМИКА МЕЛЕХОВА: ЖАРОВИХА, АРХАНГЕЛЬСК, СЕМЬЯ, ЗЕМЛЯКИ, БЕЛОМОРСКАЯ ТАЙГА

Д.В. ТРУБИН, *гл. лесничий Архангельского управления лесами (1993–2006), канд. с.-х. наук, заслуженный лесовод РФ, Архангельский музей леса* ⁽¹⁾

skorotkov@mgul.ac.ru

⁽¹⁾ ФГБОУ ВО «Московский государственный университет»
141005, Московская обл., г. Мытищи-5, 1-я Институтская, д.1, МГУЛ

Личный мир академика Ивана Степановича Мелехова это не только столичные круги лесного штаба страны, кулуары Академии Наук и мировое сообщество учёных лесоводов. В его мире важное место занимал беломорский Север. И. С. Мелехов родился в деревне Старая Жаровиха под Архангельском. Учился в городском техническом училище в центре Архангельска, затем в Архангельском индустриальном техникуме. В Ленинградском лесном институте, куда поступил Мелехов, начался отчёт судьбы выдающегося лесного деятеля. Там он прикоснулся к элите отечественной лесной науки, воочию увидел и услышал корифеев: лесоустроителя М.М. Орлова, лесовода М. Е. Ткаченко, зоолога и энтомолога М.Н. Римского-Корсакова, миколога А.А. Ячевского, фитопатолога С.И. Ванина, флориста А.И. Толмачёва, дендролога и геоботаника В.Н. Сукачёва, почвовед К.К. Гедройца, таксатора Н.В. Третьякова, лесокультурника Н.П. Кобранова. После окончания института в 1930 году И. С. Мелехов и его учитель М. Е. Ткаченко организовали в только что созданном Архангельском лесотехническом институте кафедру лесоводства. До последних дней своей жизни Иван Степанович был связан тесными узами с родным Севером. Из числа многочисленных его научных публикаций во многих соавторами были северные учёные. Ещё большее число северян лесоводов считают себя его учениками.

Ключевые слова: И.С.Мелехов, сообщество учёных лесоводов.

Говорить о личности большого человека всегда непросто. Можно потревожить интимное. Но рассказать надо, чтобы понять, из какого материала выросла глыба и в какой среде сформировалась выдающаяся личность. Важно знать, из каких источников корифей начал напиваться знаниями и какие родовые ценности пронес через всю жизнь.

Личный мир академика Ивана Степановича Мелехова это не только столичные круги лесного штаба страны, кулуары Академии Наук и мировое сообщество ученых лесоводов. В его мире важное место занимал беломорский Север, о котором он с большой теплотой уже на закате жизни писал в книге «О родном Севере». Читая ее, убеждаешься, что Иван Степанович всю жизнь оставался северянином.

Общеизвестно, что Мелехов родился в деревне Старая Жаровиха под Архангельском. Первооснователи северных деревень были не лишены поэтичности и оригинальности при подборе названий. Там, где место не было наименовано раньше угро-финнами, они называли его образно: Жаровиха, Студениха, Золотица, Бабонегово, Трепузово, Кобелево, Пердуново, Дураково ... Почти как у Н.А. Некрасова в поэме «Кому на Руси жить хорошо».

Но деревня деревне рознь! Одни маленькие, другие большие. Одни – в лесной глуши, другие на – просторе. Старая Жаровиха расположена на высоком берегу широкой и полноводной Северной Двины. Выше деревни до горизонта просматривался просторный плес шириной в два-три километра. Напротив деревни за широкой водной гладью обширные острова, пойменные луга. Вниз по реке уже проглядывались архангельские лесозаводы, пригородные застройки.

За задворками деревни проходил старинный почтовый Московско-Санкт-Петербургский тракт. До пятидесятых годов он был проезжим весьма относительно, поэтому в город было проще отправиться на маленьком пароходике местных судоходных линий.

Кроме маленьких пароходиков, по Северной Двине мимо Жаровихи проплывали и большие белоснежные суда, а также бесконечные вереницы плотов, тяжело нагруженные баржи, сновали лодки и поморские карбасы. Двина была не только труженицей, но и кормилицей. Жители прибрежных деревень всегда были с рыбой: и семгой, и нельмой, и стерлядью. Часто с недалекого студеного Белого моря на речное благолепие наплывали тяжелые низкие тучи. Сиверко сминал водную

гладь крутым «взводнем», и тогда не только на утлой лодочке – и на добротном карбасе или на катере по Двине не проплыть. Но, тем не менее, красавица река давала прибрежным жителям широту души. Наверно, коллеги Ивана Степановича согласятся, что это свойство ему было присуще.

А еще жители двинских берегов были веселыми и озорными людьми. Об этом свидетельствует современник Мелехова архангельский писатель-сказочник Степан Писахов. Озорника Сеню Малину он списал с реальных жителей соседней деревни Уймы. Писатель не единожды проделывал путь на встречу со своими прототипами мимо родового дома Мелеховых, и на такой почве между ними поддерживалось доброе знакомство. Иван Степанович и сам был не лишен этого самобытного поморского чувства юмора. Сквозь академическую строгость нередко проскальзывали искорки веселья и озорства.

Вообще-то, северное крестьянство, из недр которого родом академик Мелехов, обладало особыми достоинствами. Один архангельский этнограф утверждает, что оно, принеся с собой в суровый край примерно тысячу лет назад **культуру поля**, переняло у местных угро-финских племен **культуру леса**, а у скандинавских варягов – **культуру моря**. Такое сочетание интуитивных первобытных знаний, несомненно, помогало выходцам из той среды, вставшим на ученую стезю, осуществлять научную деятельность. На это обратил внимание Иван Степанович, изучая научное наследие великого земляка Михаила Васильевича Ломоносова, тоже выходца из этой среды (между их родными деревнями всего лишь 55 километров). Он подметил в его чрезвычайно разностороннем творчестве конкретные лесоводственные мотивы и отразил это в своих работах.

Жители пригородных деревень – особый слой северного крестьянства. Они постоянно осязали близость промышленного и культурного центра и осознали связанные с этим возможности: получение дополнительного приработка, выгодной реализации продуктов труда на городских рынках, прикосновение к городским развлечениям, получение

образования, перспективы стать городским жителем. Это вселяло уверенность и одновременно побуждало к мобильности, активности и преодолению деревенской робости. Многие крестьяне работали в городе сезонно или постоянно. А некоторые стали состоятельными, имели солидные капиталы, доходные дома в городе и иные активы, оставаясь при этом в крестьянском сословии.

Род Мелеховых происходит из другой пригородной волости – Лисистровской, что за рекой напротив Жаровихи. Это утверждает коллега и соратник Ивана Степановича, научный сотрудник Архангельского института леса и лесохимии Лев Александрович Варфоламеев. А в Жаровихе отец Мелехова нашел суженую, Екатерину Максимовну Хвиюзову. Не желая быть «в примаках», Степан Андреевич в 1906 г. построил дом в Новой Жаровихе, буквально в полукилометре от родительского дома супруги.

Дом встал на московско-петербургском тракте. Со временем тракт «вырос» на полтора метра и покрылся добротным асфальтом, а дом осел и сейчас как бы уткнулся лицом в насыпь автотрассы, содрогаясь от проносящихся мимо лимузинов и большегрузных машин.

Дом Мелеховых построен по принципу деревенской избы – с обширным двором для скотины и поветью над ним. Раньше был и традиционный для северной избы «взвоз» – специальный въезд на поветь, чтобы доставлять поклажу прямо на телеге или санях. Но «перед» обрел черты городского дома. Он разделен на светлые комнаты, в них выложены изящные обогревательные печи. Оформлен по-городскому и потолок. Со временем одна из комнат превратилась в кабинет академика с массивным письменным столом, деревянными резными креслами, книжными полками. Сейчас дом на попечении сына академика – профессора Северного Арктического федерального университета Владимира Ивановича Мелехова. Он не переделал родовую усадьбу в современную загородную резиденцию. Здесь правит элементарная скромность российского ученого да желание сохранить привычный уклад и в придачу некоторую мемориальность.

Сам дом, несмотря на столетний возраст, стоит крепко, но приусадебное хозяйство постоянно требует ухода. Поэтому Владимиру Ивановичу приходится каждый сезон заниматься земледелием, ландшафтным дизайном и благоустройством. Лиственницы, посаженные Иваном Степановичем в послевоенные годы, вымахали в могучие деревья, а березы создают проблемы, грозя оборвать провода. «Академическая» баня тоже потребовала коренной реконструкции.

Другие сыновья Мелехова: Александр и Евгений, в силу географических семейных обстоятельств, стали москвичами с северными родовыми корнями. Один – высококвалифицированный инженер, другой – ученый, педагог, доктор биологических наук. Владимир и Евгений, по сути, продолжили научную биографию отца, и это давало Мелехову могучие положительные импульсы в творчестве. Когда в 1962 г. Мелеховы переехали в Москву, младших сыновей забрали с собой, а старшего оставили «заложником» родного Севера. А до переезда жили одной дружной семьей. Сыновья росли, занимались спортом, а родители радовались их успехам. Ученик Мелеховых пятидесятых годов, профессор Леонард Федорович Ипатов, вспоминал, что они часто вдвоем ходили в спортзал института поболеть за сыновей, когда те играли в баскетбол. Наверное, профессорский этикет не позволял им свистеть и громко кричать, но можно представить, сколько положительных эмоций наполняло родителей, когда их рослые отпрыски, почти целая команда, обыгрывали соперников. Следует заметить, что все мелеховские ученики вспоминают академика в паре с супругой, Тамарой Анатольевной, преподавателем дендрологии. Восхитительная семья! Могучий фундамент для творческой деятельности!

А в те давние годы, когда родовая усадьба Мелеховых только обживалась, отец Ивана Степановича работал на лесозаводе Суркова и Шергольда. Это было крупное и современное по европейским меркам предприятие. Хозяева были прогрессивные предприниматели лесной отрасли. Именно они были зачинателями целлюлозно-бумажного

производства. Правда, не сумев решить земельные вопросы у себя в Архангельске, они построили первую в регионе бумажную фабрику (Сокольско-Сухонскую) в Вологодской губернии. Но технический прогресс лесной отрасли генерировался здесь, на «6-ой версте». Именно здесь состоялись первые опыты по гидролизу древесины и получению древесного спирта, осуществлялась новомодная электрификация производства, решались социальные вопросы рабочих. Лесопильное же производство в их корпорации было приоритетным. В нем применялись самые передовые в мире технологии, и поэтому архангельский «красный товар» удерживал прочные позиции на европейских рынках.

О местности той поры можно судить по аэрофотоснимку, который сделали немецкие летчики в 1942 г., отслеживая цели для бомбардировки важного советского порта. За предыдущие три десятилетия местность изменилась мало. На правом краю немецкого снимка четко видны и Старая и Новая Жаровихи, а на самом обрыве заметен и родовой дом Мелеховых. На левом краю – 3-ий лесозавод, где работал отец и начинал трудовую деятельность будущий академик. Между ними 8 верст. Чтобы отработать смену, нужно было каждый день пересекать эти вёрсты, а можно было и переночевать в заводском бараке.

На снимке видно, что так же, как и в детские годы Мелехова, этот пригород Архангельска насыщен небольшими деревнями, связанными проселками. Они тяготели к речным берегам и окружались лесными ненарушенными ландшафтами, уходящими в неведомую дремучую даль. Для их жителей лесная среда была желанна и обыденна: и грибы с ягодами, и заготовка любой лесины, и дальний лесной промысел, и просто прогулки.

Почти параллельно Двине, в 2–3 километрах от двинского берега протекает тихая лесная речка Юрос. В этом междуречье лес свой, домашний, для баб и малых ребят, а за Юросом – дикий и бескрайний, до самой лесотундры. У многих местных жителей (и Мелеховых в том числе) в прибрежных кустах припрятаны лодчёлки, чтобы перепра-

виться на тот берег и окунуться в настоящую девственную тайгу. Каждый местный мужик считал своим долгом похвастать дальними походами, далекими заимками и охотничьими приключениями. Иван Степанович тоже с отроческих лет познавал настоящий северный лес, заурские дебри, и эти навыки очень пригодились впоследствии, когда пришлось совершать много полевых экспедиций по лесным объектам. Он был не только ученый муж, но и коренной таежник. Когда много позднее пришла пора определить место институтскому дендросаду, он по карте уверенно ткнул пальцем на Савкину гору за Юросом. Там дендросад потом и разросся.

Видны на немецком снимке признаки предвоенного и военного времени. В годы первых пятилеток между Жаровихой и 3-м лесозаводом появился новый лесозавод, будущий экспериментальный лесозавод ЦНИ-ИМОДа. Северная лесопилка ширилась. Разрослась новыми корпусами Фактория – архангельский рыбный порт. Тут же появился уникальный комбинат по переработке морских водорослей. Весь снимок пересекала линия «Папанинской дороги». Ею была решена стратегическая задача перевалки грузов, поступавших по Лендлизу из аванпорта Экономия на железнодорожные пути на левом берегу. Ведь не было моста через Двину! И родилось смелое военное решение – проложить железную дорогу с конечной станции левого берега прямо по льду Двины, по болотам вокруг города, через речку Кузнечиху и на Экономия. Вышла на лед она совсем возле мелеховской Жаровихи. Говорят, когда первый поезд въехал на лед, машинист испуганно притормозил, почувствовав зыбкость пути и потрескивание льда, уполномоченный Совета Оборона, начальник Главсевморпути, адмирал Папанин вышел перед паровозом и решительно зашагал по замороженным в двинской лед шпалам к противоположному берегу, по-командирски увлекая за собой состав.

Но это было уже в военные годы, когда Иван Степанович лишь изредка навещался в отчий дом. Он тогда, как и все труженики тыла, работал в институте в режиме военного времени. А в годы детства его семья только

обустраивалась на новом месте. Отец работал на лесозаводе, осваивая весь цикл лесопильного производства. Благодаря крестьянской основательности и трудолюбию он вскоре стал квалифицированным рабочим, получил должность старшего браковщика (пиломатериалов). Такие люди относились к элите лесопильного пролетариата.

Весьма кстати в 1912 г. на окраине Жаровихи открылось двухклассное училище и семилетний мальчик Ваня осваивал там грамотность. Здание училища видно и на немецком аэрофотоснимке и на современных космоснимках в Яндексe, только сейчас оно находится уже в частной собственности и используется в качестве загородного дома одной архангелогородской семьи. Естественно, когда наступил подростковый возраст, отец привел Ваню на свой лесозавод приобщать к трудовой деятельности и делать свой вклад в семейный бюджет. В те времена на каждом лесозаводе было много рабочих мест для мальчиков: уборка опилок, «принеси-подай» старшему рабочему, сортировка и штабелевка досок, возчик на «медведке». И так далее, поэтапно, к высокому званию рамщика, станочника или браковщика. Надо полагать, Иван получал строгие наставления отца: «не задавайся», «слушайся старших», «приглядывайся к мастеровитым рабочим»! То лесопильное производство, повторимся, было совершенным, высокотехнологичным и высокоорганизованным многолюдным механизмом. Оно завораживало деревенского подростка и побуждало к знаниям. Поэтому следующим этапом образования стала учеба в городском техническом училище Архангельска.

Виктор Иванович Кашин, тоже соратник Ивана Степановича по институту леса и лесохимии, научный сотрудник и краевед, предполагал, что в этом старейшем каменном здании Архангельска 200 лет назад располагался Северный округ департамента корабельных лесов, первый лесной штаб региона.

Потом Мелехов продолжил образование в Архангельском индустриальном техникуме, в великолепном старинном здании на набережной Северной Двины. Здесь, как

и в училище, юный Мелехов, покинув отчий дом, приобретал кроме знаний еще и самостоятельность. Казалось бы, диплом техника открывал широкую дорогу в новую, бурно развивающуюся индустриальную жизнь, гарантировал хорошее трудоустройство и карьеру. Чего еще надо? Но у юноши обнаружились недюжинные способности и амбиции. Появилась мечта о высшем образовании в главном вузе страны. Для северной провинции это было смелое решение. Но дальновидный отец поддержал и благословил юношу, и не пришлось ему, как Ломоносову, сбегать из родного дома.

В Ленинградском лесном институте, куда поступил Мелехов, начался отчет судьбы выдающегося лесного деятеля. Там он прикоснулся к элите отечественной лесной науки, увидел и услышал корифеев: лесоустроителя М.М. Орлова, лесовода М.Е. Ткаченко, зоолога и энтомолога М.Н. Римского-Корсакова, миколога А.А. Ячевского, фитопатолога С.И. Ванина, флориста А.И. Толмачева, дендролога и геоботаника В.Н. Сукачева, почвовед К.К. Гедройца, таксатора Н.В. Третьякова, лесокulturника Н.П. Кобранова. Еще в тех стенах витал дух великого Морозова и других отцов отечественного лесоводства; Арнольда, Рудзского, Шафранова, Кайгородова. В такой атмосфере Мелехов познал научные основы мироздания и премудрости практического лесоводства.

Возвращаясь на каникулы в родную Жаровиху, Мелехов уже производил на земляков хорошее впечатление. Рос его авторитет. Познав основы лесной мелиорации и защитных свойств леса, в 1928 г. он быстро решил старую деревенскую проблему – зимой дорогу в город постоянно переметало сугробами. Начинаящий лесовод понял, что надо посадить вдоль дороги снегозащитные лесополосы. Деревенское сообщество живо откликнулось на ученую инициативу и дружно вышло на общественную работу. Было высажено тремя рядами, по науке спланированной студентом, несколько сот маленьких елочек. Они долгие годы отлично исполняли свою функцию и сейчас еще радуют глаз. Это первые на Севере целевые лесопосадки. Год спустя на

станции Обозерской начал промышленные лесокulturные опыты великий новатор, ученый-практик Сергей Венедиктович Алексеев, с которым Иван Степанович много контактировал. На коллективном фото большого совещания в 1951 г. они сидят рядом. Они ведь были первыми докторами наук в АЛТИ.

За годы учебы личностный мир Мелехова чрезвычайно расширился и обогатился. Столичная научная среда формировала будущего маститого лесовода. Особое притяжение он испытывал к М. Е. Ткаченко. Но властно притягивал и родной Север. После окончания института в 1930 г. молодой ученый и его учитель организовали в только что созданном Архангельском лесотехническом институте кафедру лесоводства. Ткаченко формально становится заведующим. Он своим авторитетом создает престиж новому направлению, наездами читает лекции, опекает молодого коллегу, а Мелехов с энтузиазмом тащит остальную воз проблем кафедры. Этот пример единения столичной и региональной науки показателен. Такой принцип Иван Степанович пронес через всю жизнь. Сам став столичным ученым светилом, он никогда не допускал дистанцирования от региональной науки и был крепким связующим звеном. Благодаря той политике в российских провинциях развились многочисленные продуктивные очаги науки и образования (в частности, в Архангельске – это детища Мелехова: кафедра лесоводства и почвоведения АЛТИ (САФУ), лесохозяйственный факультет, редакция «Лесного журнала», а также Архангельский институт леса и лесохимии). А столичные научные школы получали обратный приток энергии (рост востребованности, запросы и заказы, расширение проблематики, самобытные интеллектуальные посылы, новые потоки экспериментального материала). К сожалению, сейчас и столичная и региональная наука переживают нелегкие времена, иногда приходится выживать в одиночку, а без поддержки столичных коллег закрываются региональные научные учреждения. Но традиции Ткаченко–Мелехова все же продолжают жить. Например, ближайший соратник и ученик Ивана Степановича, Н. А. Моисеев,

профессор МГУЛ, тоже академик, постоянно в теснейшем контакте с региональными коллегами, в том числе и с северянами в Вологде, в Архангельске и в маленьком заштатном городке Вельске, где с его помощью функционировал филиал МГУЛа.

До последних дней жизни Иван Степанович был связан тесными узами с родным Севером. Во многих научных публикациях соавторами были северные ученые. Еще большее число северян лесоводов считают себя его учениками. Немало их стало кандидатами и докторами наук. Последний его аспирант, Александр Степанович Ярунов, тоже северянин, успешно преподает в САФУ. Выдающийся земляк всех северян Иван Степанович Мелехов всегда живо откликался на любые мероприятия, проводимые на Севере. Последнее такое мероприятие с его участием и организованное по его инициативе – международная конференция по бореальным лесам – было в 1991 г. Тогда он в возрасте 86 лет по

обыкновению участвовал во всех пленарных заседаниях и прошел уже немолодыми ногами все полевые экскурсии.

Сегодняшние носители живой памяти об Иване Степановиче уже немолоды, но они с удовольствием вспоминают о великом земляке.

Значительная (а может большая) часть жизни Ивана Степановича прошла на научном и административном «олимпе». Чтобы оставаться там, недостаточно было иметь выдающийся научный талант. Та жизнь изобиловала политическими коллизиями, поворотами, интригами особого масштаба и необходимостью постоянно решать задачи чрезвычайной сложности. Требовалось политическое чутье, высокая принципиальность, ответственность, мудрость да и просто много душевных и физических сил. Думается, что преодолеть все эти трудности Ивану Степановичу помогала опора на тот личный мир, который его окружал и питал жизненной силой.

THE WORLD OF ACADEMICIAN MELEKHOV: ZHAROVIKHA, ARKHANGELSK, FAMILY, COMPATRIOTS, WHITE SEA BOREAL FOREST

Trubin D.V., is a main forest officer of Arkhangelsk forest management area in 1993 – 2006, Candidate of agricultural science (PhD), honored forest specialist of Russian Federation, Arkhangelsk museum of forest⁽¹⁾

skorotkov@mgul.ac.ru

⁽¹⁾ Moscow State Forest University (MSFU), 1st Institutskaya st., 1, 141005, Mytishchi, Moscow region, Russia

The private world of academician Ivan Stepanovich Melekhov consisted not only of metropolitan circles of forest headquarters of the country, corridors of Academy of Science, and international community of forest scientists and managers. White Sea forest played an important role in his world. I.S. Melekhov was born in the village Staraya Zharovika close to Arkhangelsk. He studied in the city technical school in the center of Arkhangelsk, and then in the Arkhangelsk industrial college. Leningrad Forest University, where Melekhov entered after the college, marked the beginning of the way of a remarkable forest figure. There he got a chance to connect with the elite of national forest science, he saw and heard such masters as forest manager M.M. Orlov, forester M.E. Tkachenko, zoologist and entomologist M.N. Rimsky-Korsakov, mycologist A.A. Yachevsky, phytopathologist S.I. Vanin, florist A.I. Tolmachyov, dendrologist and geo botanist V.N. Sukachyov, soil scientist K.K. Gedtroits, taxator N.V. Tretyakov, and forestation specialist N.P. Kopranov. After the graduation from the university in 1930 I.S. Melekhov and his mentor M.E. Tkachenko organized a forest management chair in newly founded Arkhangelsk university of forestry.

Keywords: I.S. Melekhov, community of forest scientists.